

Геннадий Александрович, вы стали вдохновителем замечательного музыкального хорового фестиваля «Кремль России». Наверное, вы вкладывали и какой-то смысл в то, чтобы сценической площадкой для музыкальных песенных коллективов стал Кремль?

— В 1998 году я оказался на конференции, на которой шла речь о сохранении культурного и архитектурного достояния старых российских городов. Называлась она «Кремль России». Я и подумал, что цикл хоровых концертов в российских кремлях сослужил бы в этом деле хорошую службу. Ведь кремль не просто крепость и не только культурная достопримечательность. Это исторический центр общественной, политической, религиозной, духовной жизни. Фестиваль мог бы объединить звездную россыпь русских городов — Москву, Псков, Рязань, Углич, Дмитров, Тольятти, Астрахань, Кострому...

В прошлом году мы сделали первые шаги, выступив в Угличе, Рязани. Принимали нас чрезвычайно радушно. В Угличе концерт транслировался на площади, так как не все желающие смогли попасть в Спасо-Преображенский собор кремля, где мы пели. В последнее десятилетие хорошие концерты в провинции стали редкостью — многие областные филармонии практически прекратили свое существование. И фестиваль мог бы оправдать надежды многих любителей музыки.

В прошлом году организовать концертные поездки удалось при помощи спонсоров. В этом году я подал заявку в Федеральное агентство по культуре и кинематографии. Надеюсь, фестиваль получит государственный статус.

Фестиваль продолжил бы традицию, заложенную еще основателем нашей капеллы Александром Александровичем Юрловым. Именно под его управлением стали проходить грандиозные концерты духовной музыки у знаменитых архитектурных памятников нашего Отечества — у стен Новгородского кремля, в древнерусских храмах.

Капелла Юрлова изначально исполняла много духовных песнопений. Но как сегодня слушатели воспринимают такую музыку на концертной эстраде?

— Богослужебная музыка очень популярна. Поэтому руководители хоров охотно включают ее в репертуар, забывая, что эта музыка является сокровенным сакральным пластом русской культуры и предполагает особое к себе отношение. Далеко не каждый зал «отзовется» на нее, придаст ее звучанию нужные смысловые обертоны. Не случайно философ П. Флоренский и многие служители православной церкви выступили против исполнения богослужебной музыки на концертной эстраде. Одно дело, замечал Флоренский, когда икона выставлена в музее как образец произведения искусства той или иной эпохи, и совсем другое — когда на нее смотришь в полумраке храма, в мерцающем огнем лампады, отбрасывающей живой отсвет на иконописный лик. Так и восприятие произведений, созданных для церковной службы, предполагает определенную атмосферу. Очень многое зависит от психологического, эмоционального состояния дирижера и хористов. Ведь в храме певчие обращают свою молитву к Богу, в их пении отсутствуют те черты искусства, которые связаны с его поверхностной привлекательностью, с тщеславным желанием произвести яркое впечатление. Но во время как на сцене дирижер и певцы невольно начинают думать о том, насколько красиво и выразительно их исполнение, забывая, что это молитва...

На мой взгляд, концертное исполнение, сохраняя профессиональный уровень, должно по духу приближаться к богослужебному пению.

В советское время капелла под руководством Юрлова стала первой исполнять русскую духовную музыку на концертах. Это происходило в годы, когда государство не одобряло участия граждан в церковной жизни. Как тогда Александру Александровичу удалось снять негласный запрет с богослужебного песнопения, сделать его доступным для широкой аудитории?

— Я мог бы рассказать о многочисленных препятствиях, которые пришлось преодолеть Александру Александровичу. Были и люди, которые ему в этом помогали. Ими двигала прежде всего вера, что Юрлов сможет раскрыть эти сложнейшие произведения во всей их красоте и глубине. Что и произошло. Концерты русских духовных сочинений стали не просто сенсацией — люди слушали их с тем вниманием, которое всегда сопровождает постижение самых сокровенных смыслов бытия. Однако хочу сказать, что духовные песнопения Юрлов рассматривал как важную, но все-таки лишь часть русской хоровой культуры. Поэтому в исполнении капеллы звучали и народные песни, и сочинения современных композиторов.

Геннадий ДМИТРИЯК:

ВО ХОРУ И ЖИЗНЬ КРАСНА

Говорят, в хоре звучит душа народа. В это веришь, когда слушаешь Государственную хоровую академическую капеллу им. А.А. Юрлова. Скоро уже 50 лет, как существует коллектив, но, как и много лет назад, его концерты собирают полные залы. В чем сила и тайна этого ансамбля? Об этом решили мы поговорить с художественным руководителем капеллы, заслуженным деятелем искусств России Геннадием ДМИТРИЯКОМ.

— Каким человеком был Юрлов?

— Удивительным! Помню свое первое впечатление о нем... Я тогда только окончил Магнитогорское музыкальное училище и приехал поступать в Институт музыки имени Гнесиных с рекомендательным письмом на имя Александра Юрлова. Слава об этом замечательном музыканте и общественном деятеле тогда летела по всей стране. За его плечами были годы работы и в Чечено-Ингушетии, и в Азербайджане, где он трудился после окончания Московской консерватории, и блистательные выступления Республиканской русской хоровой капеллы, под его руководством ставшей едва ли не самым известным хоровым коллективом в стране. По пути в Москву я думал, что увижу пожилого, маститого профессора. И вдруг в фойе гнесинского института мне показывают совсем молодого мужчину, который буквально излучал заряд энергии и оптимизма. Оказалось, это и есть Юрлов. Ему было всего 38 лет.

Все мы, студенты, втайне или открыто восхищались им и старались на него походить. Он охотно принимал участие в студенческих кавзонах, поражая всех живым умом и чувством юмора, и в то же время отличался требовательностью. Как-то он дал мне поручение — подготовить несколько хоровых концертов Бортнянского. Я решил, что эта работа рассчитана на неопределенный срок. Не прошло и недели, как Юрлов поинтересовался, выполнил ли я задание. На мои сбивчивые объяснения последовал ответ: «То, что полагается завершить к завтрашнему дню, нужно успеть сделать уже вчера. Помните это!»

Александр Александрович руководил нашим студенческим хором. Точно в назначенное время приходил на репетиции. Сразу же, без промедления брался за работу. И когда стремительно входил в аудиторию, казалось, вместе с ним вырывается стукот воли. Он и работал широко — с размахом, прорисовывая произведение, как полотно, крупными, но точными мазками, ярко и рельефно...

Юрлов охотно привлекал наш студенческий хор к участию в концертах капеллы. Мы оказались в числе первых исполнителей многих сочинений Георгия Свиридова. Я теперь вспоминаю о тех выступлениях как о подарках судьбы. Сводный хор в 120-130 человек производил колоссальное впечатление!

Большой размах получила деятельность Всероссийского хорового музыкального общества, в котором А.А. Юрлов развернул работу по организации хоровых фестивалей. Вообще его отличала колоссальная работоспособность и любовь к своему делу, граничившая с самопожертвованием. К сожалению, его организм не выдержал такой нагрузки: он умер, когда ему было все-

го 45 лет. Его внезапная смерть потрясла всех. Буквально накануне Александр Александрович попросил меня возглавить одну хоровую студию, которая была организована благодаря его усилиям, — последние годы он уделял большое внимание и развитию детского хорового искусства.

К сожалению, сейчас об этом выдающемся подвижнике русского хора говорят реже, но ученики по-прежнему хранят ему верность. Названа его именем и хоровая капелла, которую он вывел в ранг лучших отечественных хоровых коллективов.

— Вы знаете юрловскую капеллу около сорока лет, последние полтора года являетесь ее художественным руководителем. Передаются ли из поколения в поколение традиции, заложенные Юрловым?

— Искусство исполнителя живет вместе с ним. Так и в работе Юрлова многое определяло личность этого выдающегося музыканта. Повторить его не сможет никто. И все же некоторые черты его стиля есть и в нынешней капелле.

Прежде всего это интенсивность концертной жизни. В годы моего студенчества за тот период, когда, скажем, хор А.В.Свешникова готовил одну концертную программу, Александр Александрович успевал провести едва ли не десяток премьер. Многие хоровые сочинения советского периода нашли своего первого исполнителя как раз в лице юрловской капеллы. Насыщенный ритм работы по мере возможности мы стремимся поддерживать и сейчас.

Юрлов тяготел к масштабным хоровым полотнам, особенно русских композиторов. Русское прямодушие, эпический размах и простор всегда чувствовались в его интерпретациях. Для хора стали характерными широкие мелодические фразы, насыщенные экспрессией. Исполнительская манера Юрлова нашла отражение в работе многих его учеников. Немало ярких выступлений капеллы прошло под руководством моих предшественников — Юрия Ухова, Станислава Гусева. Мне хотелось бы думать, что дирижерская школа Юрлова видна и в моей работе. Иногда во время концертов или удачных репетиций, мне кажется, я улавливаю характерное «юрловское» звучание. Но об этом, конечно, должны судить слушатели.

— А удается ли поддерживать большой состав хорового коллектива, которым славится капелла? В нынешних-то экономических условиях...

— Это, конечно, очень трудно. В советское время большой состав капеллы, имевший статус сначала республиканской, а потом государственной, был обусловлен самой идеологией. Государству требовались массовые песни, оратории, большие коллективы... Ансамбль песни и пляски имени Але-

ксандрова насчитывал около 100 человек, Республиканская хоровая капелла — около восьмидесяти. Ни в одной другой стране не было столь многочисленных хоровых коллективов. А в Советском Союзе при монополии государственной власти содержать их не составляло особого труда.

Сейчас государственная власть практически не озабочена поддержкой искусства, да и государство уже не то... Отпала и потребность в больших коллективах. А из сознания людей ушло представление о народном единении, грандиозных общественных свершениях — пропала и необходимость в их прославлении большим русским хором. Точно шагреневая кожа, хоры стали стремительно ужиматься. Крупные коллективы уступили место более мобильным, камерным...

На мой взгляд, государственные власти должны бы проявить заинтересованность в сохранении национального достояния — большого русского хора. Ведь наша капелла государственная даже по названию. А в России исконно существовали хоры «государственного значения» — достаточно вспомнить хор государственных певчих дьяков, основанный еще в XV веке. Искусство хора в России — это и колыбель, и материнское лоно всей русской музыки.

Пока мы выходим из положения, приглашая артистов и из других коллективов. У меня, к счастью, есть возможность объединять капеллу имени Юрлова с капеллой «Московский Кремль», которой я руковожу более пятнадцати лет. Привлекаем и студенческие хоры. Но все это временные меры. Если в ближайшее время государство не обратит внимание на тяжелое положение иконной русской хоровой культуры, она погибнет. Сил осталось не так уж много. А требовать от исполнительского коллектива — оркестр это, хор или театр — самоокупаемости просто кощунственно. Даже хоккейные и футбольные матчи, собирающие на стадионе сотни тысяч болельщиков, не дают достаточно средств к развитию спортивных клубов. В конечном счете все они держатся на спонсорах и рекламе... Если государство нужна культура, оно должно проводить политику, которая обеспечивала бы им достаточную поддержку. Поскольку именно культура, образование и наука служат в действительности основой существования государства, определяют его перспективы и жизнеспособность в будущем.

— Изменилось ли отношение к хору со стороны ваших коллег по искусству?

— Хор по-прежнему любим. Например, капелла «Московский Кремль» неоднократно выступала с Юрием Башметом, исполняла с ним Мессу соль мажор Шуберта, «Реквием» Моцарта, «Магнатикат» Баха... За время моего руководства уже двумя коллективами с Башметом на фестивале

«Черешневый лес» мы тоже исполнили несколько крупных сочинений. Юрий Абрамович считает, что у нас давно сложилась единая команда, и он планирует привлечь нас к сотрудничеству.

— А интересна ли сейчас русская хоровая музыка Западу?

— Во всяком случае наши зарубежные гастролы проходят с большим успехом. К русскому хору проявляют интерес и зарубежные музыканты. Например, недавно состоялся совместный концерт капеллы с выдающимся нидерландским басом Робертом Холлом. Много лет назад я впервые услышал его на «Декабрьских вечерах», где он исполнял вокальный цикл Шостаковича и романсы русских композиторов. Меня поразило удивительное взаимопонимание музыки и текста, достигнутое этим музыкантом. В этот раз Роберт Холл выступил с программой из русских духовных сочинений.

Зная его любовь к русской культуре, я уже сейчас думаю о том, что эту программу хорошо бы представить и в других городах России, съездить с ней в православные славянские страны: Белоруссию, Украину, Сербию... Мечтаю показать ее и в Западной Европе. Концерта, объединяющего большой русский хор и зарубежного певца, искренне любящего и глубоко чувствующего русское искусство, мне кажется, давно не было ни в нашей стране, ни за рубежом.

— Чем все-таки является сейчас хоровая русская музыка для зарубежного слушателя? Экзотикой? Или культурным явлением?

— На наши концерты в основном все-таки ходят люди образованные, которые не нуждаются в экзотике. У них есть потребность в подлинном искусстве. Мы, кстати, тоже в нем нуждаемся. И найти его проявление можно не только на просторах России. Например, несколько лет назад я оказался в певческой академии Студенцицы. Это древний сербский православный монастырь, расположенный в горах на реке. Основан он святым сербской православной церкви Саввой, который в Сербии почитается примерно так, как в России — преподобный Сергей Радонежский.

Мне предложили поработать с сербским хором. Когда я собирался туда, то не вполне понимал, куда еду. И был просто поражен увиденным. Представьте — на десять дней музыкальная молодежь Сербии собирается в этом монастыре. Молодые люди поют в храмах, причем совершенно бесплатно, по доброй воле. Летняя певческая академия — это своеобразные курсы повышения мастерства. Два раза в день проводятся хоровые репетиции — готовится определенная концертная программа. По вечерам в монастырь приезжает один из сербских хоров и показывает свое мастерство. Ребята покорили меня искренностью, увлеченностью. У нас завязались настолько теплые дружеские отношения, что меня пригласили во второй — совсем недавно — в третий раз, хотя по установленным правилам дирижеров со стороны не полагается приглашать более двух раз подряд.

Побывав дважды в Студенцице, я с особой ясностью увидел, что нашими культурными и экономическими отношениями с Сербией мы не должны пренебрегать. Это удивительно близкая нам по духу страна.

— Вы принимали участие в грандиозном концерте на Красной площади, посвященном 60-летию Победы в Великой Отечественной войне, были главным хормейстером сводных хоров. Чем вам запомнилось это выступление?

— Знаете, многие важные события моей жизни тесно связаны с празднованием юбилейных дат Победы над фашистской Германией. В Магнитогорском музыкальном училище, которое я окончил в 1965 году, моей дипломной работой стала песня Соловьева-Седого «Соловьи». Через пять лет, когда отмечалось 25-летие Победы, я оканчивал Институт музыки имени Гнесиных с дипломным рефератом «Песни Великой Отечественной войны!» и двумя хорами Родиона Щедрина — «Я убит подо Ржевом» и «К вам, павшие». В год 40-летия Победы находился на Кубе — работал с воспитанниками Высшего института музыки в Гаване. Там с композитором Франком Фернандесом, моим большим другом, подготовил большой концерт, программа которого включала Седьмую симфонию Шостаковича и Первый концерт Чайковского. Франк написал замечательную песню «Голубь мая», впервые прозвучавшую на кубинском российском концерте в Гаване.

Когда благодаря Франку капелла «Московский Кремль» гастролеровала на Кубе в 2001 году, мы решили сделать ему сюрприз и выучили эту песню, восстановив ее по сохранившейся магнитофонной записи. Если, Бог даст, буду жив, надеюсь, смогу принять участие и в торжествах по случаю 70-летнего юбилея Победы.

Беседу вел Антон БОНДАРЕВ